

ЗА КОЛЮЧЕЙ ПРОВОЛОКОЙ

В 1929 году ОГПУ приступило к формированию новых лагерей. Создаются северные лагеря особого назначения (СевЛОН) с центром в Усть-Сысольске (позднее Сыктывкар). По мере отпуска средств, организуются Вишерские лагеря (ВЛОН) с центром в г. Красновишерск Уральской области (позднее Пермская обл.). 1 октября 1929 года создаются Дальневосточные лагеря (ДальЛОН) с центром в Хабаровске. Сибирский лагерь (СибЛОН) с центром в Новосибирске. Среднеазиатский (САЗЛОН) с центром в Ташкенте и объединенный с ним Казахстанский лагерь (КАЛОН).

К 1 июня 1930 года общее число заключенных в лагерях страны составило 168 тыс. 163 чел.

3 июня 1930 года Советом труда и обороны было принято решение о строительстве легендарного Беломоро-Балтийского канала. Решение задач, связанных с постройкой, было возложено на Раппопорта и

Когана, которые должны были лично поочередно присутствовать на месте работ. Создавалась вторая база Соловков – Беломоро-Балтийский лагерь.

9 ноября 1930 г. появляется аббревиатура ГУЛАГ (главное управление лагерями), которым поочередно заведовали Коган, Берман, Раппопорт, Белоногов, Френкель, Пурашкевич и другие.

13 ноября 1931 г. с целью добычи золота в верховьях реки Колымы было создано предприятие «Дальстрой». Директором стал чекист Э. П. Березин, возглавлявший до этого Вишерлаг, а контроль и наблюдение были возложены на зампреда ОГПУ Г. Ягду. Для обслуживания нужд Дальстроя организуется один из самых суровых лагерей – Северо-восточный лагерь ОГПУ. Вот как его описывает бывший узник лагеря иеросхимонах Павел (Гулынин), в прошлом много потрудившийся на приходах Пензенской епархии. «К тому времени на Колыме существовало множество управлений, занимавшихся строительством дорог, добычей

угля, олова, вольфрама и других металлов. Но ничего не было страшнее, чем попасть на золотые рудники. Попасть на прииск означало одно – попасть в могилу. Большинство заключенных, прибывших на Колыму с клеймом «враг народа», направлялось в золотые забой. Особенно это соблюдалось в отношении священнослужителей. Работали в открытых забоях на ледяном ветру при 50–60-градусном морозе вручную: имелись только носилки, тачки, ломы да кайло, чтобы долбить мерзлый грунт. Забой представлял собой огромную глубокую каменную яму, вокруг

Добыча руды в Колымском лагере

которой стоял вооруженный конвой с автоматами и сторожевыми собаками. Рабочий день продолжался 14 часов. Работа была поставлена на конвейер, и нельзя было ни на минуту остановиться и передохнуть – за это били намертво. План «выбивали» в буквальном смысле прикладами. Нормы были непосильными: в мерзлом грунте, который был тверже всякого гранита, каждому полагалось накайлить и отвезти в отвалы 6 вагонеток породы. ... При 45–50 градусах мороза запрещалось разводить костры, чтобы погреться. Летом работа не прекращалась ни днем, ни ночью. Приходилось стоять по колена в ледяной от вечной мерзлоты воде, промывая золото»⁷².

Задачу по обеспечению дровами Ленинграда решал Свирский ИТЛ*, а Москвы – созданный в 1931 году Темниковский ИТЛ с дислокацией управления в поселке Явас и поныне остающимся центром знаменитых Мордовских лагерей. В 1934 году Темлаг был крупным лагерем, он один покрывал треть всех потребностей Москвы в дровах. О заточении в лагере близ поселка Явас сохранились воспоминания Анны Петровны Мишиной, которая

Лагерные работы на лесоповале

в числе 20–30 человек православных христиан жила в тайном скиту в трех километрах от села Пашково Земетчинского района. В 40-х году всех арестовали, и каждый получил свой срок.

«В лагере заставляли работать практически без отдыха, – рассказывала Анна. Женщины шили фуфайки для Красной армии. К заключенным обращались по номерам, нашитым у каждого на груди. Ночами изможденных нас выводили на улицу, и каждый раз все думали, что на расстрел. Но всех строили, считали и снова уводили на работу в бараки. К некоторым применялись зверские пытки, например, человека сажали за стол, а пальцы помещали в прикрученные к столу тиски. Это был надежный метод заставить человека говорить и сознаться даже в том, в чем

* Исправительно-трудовой лагерь

не виноват». В лагере поселка Явас Анна Петровна отбыла около 8 лет. Она вернулась в 1955 году, оставшись доброй и глубоко верующей женщиной.

В 1932 году началось строительство канала Москва – Волга (Москваловгастрой, МВС), начальником предприятия стал Л. И. Коган, освобожденный ради столь важной миссии от руководства ГУЛАГом. Для строительства МВС был организован Дмитровский ИТЛ (Дмитлаг).

С ноября 1932 года создается БАМлаг, строительство которого также возлагалось на ОГПУ. Управление БАМлага находилось в г. Свободном Амурской области. На строительство БАМа был сослан известный в России клирик Николай Павлович Иванов, арестованный в 1933 году.

До 1928 года он трудился иподиаконом при пензенских архиереях, участвовал в борьбе с обновленчеством, написал очерк по истории Путятинского брожения в г. Пензе, интереснейшие рассказы о лагерях БАМа и множество духовных работ. Вернувшись из лагерей, он был возведен в сан протоиерея, работал в журнале Московской Патриархии. Умер 2 мая 1990 года и похоронен на Ваганьковском кладбище в Москве.

Протоиерей Николай Иванов

Осенью 1931 года в Казахстане был организован Карагандинский ИТЛ (Карлаг), ставший одним из крупнейших филиалов ГУЛАГа. Карлаг создавался как основная база для развития угольно-металлургической промышленности. В 30-е годы через карагандинские лагеря прошли десятки тысяч людей, многие из которых погибли. Немалую часть узников знаменитого Карлага составили епископы, священники, монахи и православные миряне. Несчастных людей доставляли

туда целыми эшелонами в столыпинских вагонах, в которых они проводили многие сутки. Достигнув места назначения, узники высаживались в голую степь, где должны были выстроить землянки и шалаши, спасаясь от непогоды. Условия, в которых приходилось выживать узникам, были подробно описаны в книге о преподобном Севастьяне Карагандинском.

Долгий срок за веру отбывала в Карлаге жительница села Большой Вьяс Лунинского района Иустиния Протасьевна Блохина, которая читала в селе псалтырь по усопшим, а до этого трудилась во Вьяском монастыре просфорней. 4 февраля 1942 года в Карагандинском лагере скончался миссионер Пензенской епархии, священник Евфимий Феодорович Куликов. 15 сентября 1937 года недалеко от станции Долинка* был расстрелян уроженец села Никольское-Барнуки Городищенского уезда священник Евфимий Никитич Горячев, впоследствии причисленный к лику святых. В сентябре 1937 года там же в Карлаге был расстрелян бывший иеромонах Троицкого Сканова монастыря о. Пахомий (Ионов), прославленный Церковью как преподобномученик.

В 1929–1933 гг. власть нанесла по Православию очередной мощный удар, сопряженный с политикой раскулачивания и коллективизации. Крестьянские семьи целыми партиями выслались в спецпоселки и лагеря для освоения труднодоступных районов страны. Разработка мероприятий по вывозу заключенных была поручена наркому юстиции Крыленко и Ягоде. Только на 1 августа 1929 г. в Средне-Волжском крае к принудительным работам были приговорены 16290 человек, из которых могли работать лишь 8459 человек – остальные оказались нетрудоспособными⁷³. На 21 июня 1930 года к принудработам лишь по Пензенскому округу приговорили уже 33183 христиан, однако, использованы на работы были 3326 человек (10%)⁷⁴. По Кузнецкому округу приговорено 12857, а использовано 6406 человек (50%)⁷⁵. По Мордовскому округу приговорили 19237, использовано 8911 человек (46%)⁷⁶. Такие результаты не удовлетворяли руководство страны, поэтому принудительные работы организуются повсеместно с тем, чтобы все осужденные на них были задействованы. В марте 1933 года из Центрально-Черноземной области в лагеря ОГПУ

* Административный центр Карагандинского лагеря.

планировалось вывезти еще 15 тысяч человек. В основном это были люди старого уклада, хранившие в простоте сердца отеческую веру и в поте лица добывающие свой хлеб.

Политика коллективизации сопровождалась вопиющими фактами бесправия и издевательств уже на уровне сельсовета. Так уполномоченный села Тепловка Саранского района «получив из Кочкуровской кооперации в счет вкладов самообложения 150 р., напился пьяным и по дороге избивал попадающихся навстречу крестьян»⁷⁷. Работающий в селе Лемдяй Саранского района уполномоченный по хлебозаготовкам Сорокин Е. был замечен пьяным, производил массовые аресты крестьян, которых запирали группами человек по 20 в маленькое помещение и, продержав 2–3 дня, направлял их в Волисполком⁷⁸.

В постановлении ЦК ВКП(б) «Об организации трудовых поселений» на ОГПУ возлагалась организация жилищного, культурно-бытового и санитарно-медицинского строительства, а также обеспечение трудовых поселений всеми видами снабжения. Однако на деле все было иначе. Вот что рассказал Николай Никитич Аленкин, отец которого Никита Петрович был глубоко верующим крестьянином села Пустынь Пензенского района.

«Весной 1934 года семью полностью раскулачили, – отобрали все, что было: коров, овец, птицу и прочую живность. Следующей ночью в дом ворвались люди из ОГПУ, изрубили старинные иконы, изуродовали и разворовали книги. Нас, детей, как котят покидали ночью на подводу и повезли куда-то под село Телегино Пензенского района. Той же ночью всех доставили в спецпоселок Ржавец, и свалили с подводы в какие-то ямы. Среди ночи ничего нельзя было разобрать, мы лазили на четвереньках, пытаясь отыскать какую-нибудь

Аленкин Никита Петрович

ложбинку для ночлега. Оказалось, что поселок представлял собой несколько землянок-шалашей, где в страшных условиях мыкали горе несколько таких же сосланных семей. Некоторые семьи были знакомы, это были соседи из родного села. В апрельскую пору

семья столкнулась лицом к лицу с холодом и голодом, маленькая Вера умерла почти сразу. Но надо было как-то выживать... Вскоре пришла одна из сестер, она что-то ела. Оказалось, что на другом конце оврага она отыскала дикий чеснок, это и спасло нас от голодной смерти».

Но в основном людей выслали в отдаленные труднодоступные районы страны для их освоения. Типичным примером

Овечкин Осип Алексеевич

является судьба поимчанина Осипа Овечкина. В деле № 11929-П архива УФСБ по Пензенской области читаем: «Овечкин Осип Алексеевич, 1873 г. р., уроженец села Поим Поимского района Пензенского округа СВК, крестьянин-единоличник, убежденный монархист, женат, имел 6 детей. До 1917 года – крупнейший производитель мяса и колбас. В 1928 году скупал кожсырье по ценам выше лимитных, неаккуратный платательщик госналогов, за что у него описывалось имущество. Арестован 9 октября 1929 года вместе с 6-ю другими жителями села Поим Пензенским окротделом ПП ОГПУ по СВК. Репрессирован 3 декабря 1929 года постановлением Коллегии ОГПУ по ст. 58-10 УК РСФСР за участие в антисоветской группировке и антисоветскую агитацию. Выслан на 3 года в Северный край». Судьба Осипа Алексеевича, как и многих других крестьян-пензяков, остается неизвестной.

При каждой такой высылке человека сначала арестовывали, и какое-то время содержали в одной из пересыльных тюрем, а затем этапным порядком препровождали на место ссылки. Часто бывали такие случаи, что высылаемому на далекий север не давали собрать теплые вещи, и человек отправлялся в той одежде, в которой был арестован. Само путешествие, как правило, длилось очень долго, до месяца, и протекало в крайне тяжелых условиях. Духовные лица, а равно и простые, ни в чем не повинные люди, привыкшие к сельскому храму и собственному хозяйству,

перевозились в тюремных вагонах вместе с уголовниками и подвергались в течение всей дороги бесчисленным издевательствам, ограблению и побоям. Этап делал остановки в целом ряде пересыльных тюрем и попутных городов. Эшелоны с заключенными должны были пропускать обычные поезда и подолгу простаивали на запасных путях. Летом в вагонах люди задыхались от зноя, собственных испражнений, страдали от жажды, болезней и насекомых; зимой – погибали от пронизывающего ветра. Наконец, где-то в степи состав делал остановку, обессилившие узники выходили из вагонов, тут же оправлялись, очищали себя от вшей, хоронили умерших. Через многие сутки эшелон достигал пункта назначения, и несчастные оказывались в руках безжалостной конвойной команды. Если конечный пункт находился в отдалении от железной дороги, то ссылаемые под окрики конвоиров и лай собак проделывали долгие изнурительные переходы, неся на себе собственные вещи⁷⁹. Заключенные, выбившиеся из сил и неспособные продолжать путь, уничтожались на месте, так что в лагерный пункт едва ли прибывало 2/3 от первоначальной партии. Железная дорога и колючая проволока стали мрачными символами советских репрессий.